

Александр Мелихов

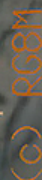
РЕСПУБЛИКА

КОРЕЯ:

В ПОИСКАХ СКАЗКИ

Либу́с Пресс
Санкт-Петербург

Александр Мелихов

**Республика Корея: в поисках
сказки. Корейцы в русских
зеркалаx. Опыт исследования**

«Издательство К.Тублина»

2011

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

Мелихов А. М.

Республика Корея: в поисках сказки. Корейцы в русских зеркалах.
Опыт исследования / А. М. Мелихов — «Издательство
К.Тублина», 2011

ISBN 978-5-8370-0564-0

В этой книге писатель Александр Мелихов предлагает читателю настоящее исследование – историческое, социологическое, этнографическое и, если угодно, антропологическое – о стране, с которой мы соседствуем на протяжении столетий, но о которой, тем не менее, так мало знаем. Эпоха древних царств, внутренние распри, китайское влияние, унижение японского господства, раскол страны и, наконец, корейское экономическое чудо – обо всем этом, а также о конфессиональных аспектах жизни Республики Корея, ее системе образования, национальной кухне, архитектуре, искусстве и многом другом, вы прочтете на этих страницах. А прочитав, удивитесь давности и крепости уз, которые связывают наши государства и народы.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0564-0

© Мелихов А. М., 2011
© Издательство К.Тублина, 2011

Содержание

Два чуда	6
В старых зеркалах	12
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Мотельевич Мелихов

Республика Корея: в поисках сказки. Корейцы в русских зеркалах. Опыт исследования

Автор выражает искреннюю благодарность архимандриту Августину и созвездии историков, культурологов и филологов С. Курбанову, А. Ланькову, Д. Самсонову, Т. Симбирцевой, Н. Цветовой, И. Химик, чьи зеркала помогут читателю увидеть новые грани корейской истории и корейской души.

© ООО «Издательство К. Тублина», 2011

© А. Веселов, оформление, 2011

* * *

Два чуда

Корея много лет назад время от времени отправляла мне своих посланцев, однако намеки оказались не понятными – я так и не нашел времени как следует взглянуть в эту удивительную страну, заслоненную от нас то японской, то китайской сказкой. Если спросить среднего, даже более или менее образованного россиянина, что он знает о Японии, он наверняка перечислит Фудзияму, самураев, гейш, харакири, сакуру, сёгунов, революцию Мэйдзи, Перл-Харбор, камикадзе, Хиросиму, Нагасаки и Мураками. У Китая тоже есть свой джентльменский набор: буддизм, жень-шень, Великая китайская стена, фарфор, Конфуций...

Ужасно мудрый, хотя мало кем читанный – далеко не всякий способен осилить страниц хотя бы сто подобной мудрости (зачерпнем несколько ложек на пробу).

Философ сказал: «При управлении княжеством, имеющим тысячу колесниц, необходимы постоянное внимание к делам и искренность, умеренность в расходах и любовь к народу со своевременным употреблением его на работы».

Философ сказал: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться».

Философ сказал: «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома – уважительна к старшим, отличаться осторожностью и искренностью, обильною любовью ко всем и сближаться с людьми гуманными. Если по исполнении сего останется свободное время, то посвящать его учению».

На вопрос Мэн-и-цзы, в чем состоит сыновья почтительность, Философ ответил: «В непротивлении». Когда Фань-чи вез Философа, тот сказал ему: «Мэнь-сунь спросил меня, в чем состоит почтительность, и я отвечал ему: в непротивлении». Фань-чи сказал: «Что это значит?» Философ сказал: «Когда родители живы, служить им по правилам, когда они умрут, похоронить их по правилам и по правилам приносить им жертвы».

На вопрос Цзы-ся о почтительности Философ сказал: «В этом случае трудность заключается в выражении лица. А что младшие братья и дети будут брать на себя заботы о делах, будут угощать родителей и старших братьев вином и кушаньем, то разве это можно считать сыновней почтительностью?»

На вопрос Цзи Кан-цзы, как заставить народ быть почтительным и преданным, чтобы побудить его к добру, Философ отвечал: «Управляй им с достоинством, и он будет почтителен; почитай своих родителей и будь милостив, и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных, и он устремится к добру».

Некто спросил о значении великого жертвоприношения предку и праотцам его. Философ ответил: «Я не знаю, но кто знал бы его значение, для того управление Вселенной было бы так же легко, как показать это», – и при этом он указал на ладонь.

Князь Дин-гун спросил: «Как государь должен обходиться с чиновниками и как последние должны служить государю?» Философ ответил: «Государь должен обходиться с чиновниками вежливо, а чиновники должны служить ему с преданностью».

Философ сказал: «Если кто сможет управлять государством с уступчивостью, требуемую церемониями, то какие затруднения встретит он в этом? Если кто не будет в состоянии управлять государством с уступчивостью, к которой обязывают церемонии, то для чего ему эти церемонии?»

На вопрос Цзы-гуна, в чем состоит управление, Конфуций отвечал: «В довольстве пищи, в достаточности военных сил и в доверии народа». Цзы-гун сказал: «Но если бы предстояла неизбежная необходимость исключить одну из этих трех статей, то какую исключить прежде?» – «Военную часть», – отвечал Конфуций. Цзы-гун сказал: «А если бы правительство вынуждено было пожертвовать одной из этих двух, то какую прежде?» – «Пищей», – сказал Конфуций, – потому что смерть всегда была общим уделом, а без доверия народа правительство не может стоять».

Цзи Кан-цзы, спрашивая у Конфуция о правлении, сказал: «Что вы скажете, если мы будем казнить незаконных людей для образования нравственных людей?» Конфуций отвечал: «Вы управляете, зачем же прибегать к убийству?»

Если Вы пожелаете быть добрым, то и народ будет добр.

Добродетели благородного мужа – это ветер, а качества низкого человека – это трава, и ветер, гуляющий по траве, непременно пригибает ее».

Философ сказал: «Благородный муж ни в чем не состязается, а если уж необходимо, то разве в стрельбе; но и в этом случае он поднимается в зал, приветствуя своих соперников и уступая им, а спустившись – пьет чару вина. И в этом состязании он остается благородным мужем».

Философ сказал: «Ю (Цзы-лу), научить ли тебя Знанию? Что знаешь, то и считай, что знаешь; чего не знаешь, то и считай, что не знаешь – вот это и будет Знание».

Философ сказал: «Ши-цзин хотя и состоит из трехсот песен, но они могут быть объаты одним выражением: „Не имей превратных мыслей!“».

Философ сказал: «Если бы кто воспользовался мною для службы, то через год правление было бы уже порядочное, а через три года оно было бы уже совершенно устроено».

Философ сказал: «Благородный муж не есть оружие, годное только для одного какого-либо употребления».

Самое, пожалуй, удивительное здесь – это уверенность, что добродетель безусловно сильнее порока, а «княжество управить» можно за один год. Злые же умы еще и усматривают сходство конфуцианства с принципами советской номенклатуры: отсутствие превратных мыслей важнее низких профессиональных навыков и познаний, пригодных только для одного какого-либо употребления... Да и я самолично прочел в корейской народной повести «Верная Чхунчхян», как молодой человек, написавший блестящее сочинение на тему «Краски весны на весенних прудах и нынче такие же, как и в древности», был немедленно пожалован государем званием ревизора провинции Чолла.

Однако продолжим стандартный китайский набор до наших дней: Гоминдан, Чан Кай Ши, председатель Мао, Тайвань, культурная революция, хунвейбины, банда четырех, Дэн Сяопин, китайский путь...

Не так уж мало. Про Корею столько сумеет припомнить далеко не всякий. Вспомнят только, что есть Корея Северная и Корея Южная, в войне между которыми еще при Сталине участвовали наши летчики (им давали китайские фамилии типа Ли Си Цын). Вождя Северной Кореи звали Ким Ир Сен, а диктатора Южной – Ли Сын Ман. А теперь в Северной Корее, по слухам, питаются чуть ли не травой, но зато грозят атомной бомбой аж самой Америке. В Корее же Южной произошло «корейское чудо», благодаря которому страна превратилась в развитую и свободную, хотя еще во время российской демократизации по телевизору показывали, как южнокорейская полиция разгоняет студенческие демонстрации...

Не все даже знают, что правильное название Южной Кореи – Республика Корея. Хотя в Северном Казахстане, где я вырос, рядом с нами постоянно жили высланные с Дальнего Востока корейцы, однако в тогдашнем советском Эдеме никому не приходило в голову задуматься, как они здесь оказались – живут себе и живут. Есть учителя, есть рабочие – разве что пьяниц нет. Ссылные немцы тоже мало чем от нас отличались, однако шофер мог носить имя Вильгельм («Вильгем»), а слесарь имя Зигфрид, и в ссорах их могли обзывать фашистами – значит, помнилось, что у них есть далекая историческая родина, с которой они как-то связаны. А вот корейцев как будто не связывали ни с какой заграницей. Генка Пак, Илюшка Ким – милейшие ребята. Кажется, их даже не дразнили. Хотя одна моя добрая знакомая, наполовину корейка, недавно рассказала мне, как какие-то маленькие паршивцы кричали ей вслед: «Корейка-батарейка». Но ей и тогда не приходило в голову искать психологической защиты в мечтах об исторической родине, где она будет своей среди своих: ей было достаточно ощущать себя своей в семье советских народов. Вероятно, и остальные были готовы обходиться без красивой национальной родословной, в которой люди обычно ищут защиты от унижений не только социальных, но и экзистенциальных – от чувства своей мизерности и мимолетности в безбрежном равнодушном космосе.

В результате тот удивительный факт, что не только у Англии с ее рыцарями и у Франции с ее мушкетерами, но и у Кореи есть свое романтическое прошлое, мне открыл вовсе не кореец, но американец – Джек Лондон.

В его романе «Смирительная рубашка» узника калифорнийской тюрьмы Сен-Квентин непрерывно пытаются, надолго оставляя затянутым в смирительную рубашку, но он ухитряется погружаться в «малую смерть», где его бессмертная душа проживает какую-то из своих прежних жизней. И в одной из них ее временного владельца-матроса где-то в XVII веке вместе со всей командой искателей наживы и приключений буря выбрасывает на скалы страны *Чосон*, что означает Страна Утренней Свежести. Там за его силу, бесстрашие и золотые волосы в него влюбляется прекрасная принцесса госпожа Ом, указ императора превращает его в принца Корё и смертельного врага другого, обойденного принца Чон Мон Дю – как зловеще звучало это имя! Однако подлый Чон Мон Дю продолжает плести заговоры и в конце концов берет верх. Но ненависть его настолько неистощима, что он сохраняет жизнь и герою, и его жене-принцессе, превращая их в нищих, обреченных до самой смерти бродить без пристанища по дорогам Страны Утренней Свежести (кто бы мог подумать, что неведомая родина Илюшки Кима и Генки Пака носит такое красивое имя!).

И уже стариком, – правда, все еще сильным и несломленным, скиталец вместе со своей состарившейся, но по-прежнему милой и благородной женой сталкивается с высоким паланкином Чон Мон Дю, которого несут сразу восемь кули. Одряхлевший Чон Мон Дю велит поставить носилки, чтобы еще раз полюбоваться плодами своей победы, и тут несгибаемый англосакс впивается в горло своему врагу и успевает его задушить, прежде чем охрана забивает его до смерти.

И все-таки самое сильное впечатление на меня произвел Чосон – янбаны в шелках, императорский дворец, охраняемый колоссальными каменными собаками, раскрашенные танцовщицы кисан, пышно разодетая свирепая охрана – пхеньянские Охотники за тиграми, сигнальные костры на вершинах гор...

Некоторое время я даже смотрел на своих корейских приятелей другими глазами – значит и у них тоже есть романтическая история?..

Но каждый цветок надо поливать, а больше никакой поэтической влаги из Кореи не поступало...

Когда лет через пять в университетском общежитии ко мне проникся симпатией очень милый застенчивый кореец, он был для меня, увы, уже не посланник Страны Утренней Свежести (красивое имя – высокая честь!), а просто парень из КНДР. О которой у нас было такое же представление, какое на Западе, вероятно, гуляло о нас самих – что все там ходят строем, в униформе и так далее. И глянцевого пропагандистские журналы на русском языке, которые он мне носил, как будто бы это подтверждали. Уж на что мы привыкли к славословиям по адресу своих вождей, но у нас их все-таки не называли «отец-вождь», не печатали фотографий, на которых туристическая группа почтительно разглядывает огороженное место, где маленький отец-вождь когда-то поколотил маленького японца, обидевшего маленького корейца, и заставил на коленях просить у него прощения...

А потом трое шутников, живших с моим корейцем в одной комнате, набрехали ему, что в Советском Союзе во время вечернего гимна перед отключением радиоточки полагается стоять по стойке смирно. Бедняга старательно тянулся, как часовой перед ленинским мавзолеем, покуда остальные делали адские усилия, чтобы не расхохотаться. Потом за это глумление их чуть не исключили из комсомола.

Шутка мне не очень нравилась, но как повернуть назад, я не знал. Надо было, может, объявить, что партия отменила устаревший обычай?.. Но это же был бы ревизионизм?

И вот исчезла и партия, и Советский Союз, а далекая Корея так больше ни разу и не встретила меня на моем жизненном пути. Что, скорее всего, говорит не о личной моей неудаче, но об отсутствии связей между нашими странами. Поэтому когда журнал «Нева» в 2010 году посвятил Республике Корея целый третий номер, я внимательнейшим образом проштудировал его от корки до корки.

Проза была вся по-своему хороша – и жесткий реализм, и саркастический гротеск, и тонкая лирика, и философская притча (больше всего мне понравилась «Птица с Золотыми крыльями» Ли Мунёля, открывшая, что и на каллиграфию можно смотреть как на поиск духовного совершенства). Однако самые серьезные мысли пробудил все же профессор Хам Ёнчжун своей статьей «Бренд страны и обмен чувствами».

«Мне кажется, что как раз наше время – XXI век – всецело можно назвать эпохой культуры. Наряду с вопросами окружающей среды вопросы культуры стали самыми актуальными в XXI веке. Во всех странах центром всеобщего внимания становятся вопросы влияния культуры, которую называют „мягкой силой“».

Иногда эта мягкая сила бывает очень даже напористой. Я бы даже сказал так: если прежде главным орудием подчинения одного народа другому, одной цивилизации – другой было насилие, то сегодня главным орудием сделался соблазн. Народ или цивилизация создают столь соблазнительный образ себя, что без всякого насилия побуждают другой народ или даже целую цивилизацию отказаться от собственной идентичности и по мере сил уподобиться (ассимилироваться) соблазняющей. Сегодня доминирование вообще невозможно без участия мягкой силы обаяния.

Более того, можно сформулировать золотое правило международных отношений: выигрываешь в жесткой силе – проиграешь в мягкой, выиграешь в напоре – проиграешь в обаянии.

Обаятельный образ сегодня принято называть коммерческим термином «бренд». «Для Республики Корея, не имеющей богатых природных ресурсов, чья экономика основывается на экспорте, крайне необходимо повышение статуса „бренда страны“. Последний повышается вместе с повышением культурных и материальных ценностей», – пишет профессор Хам Ёнчжун, и он совершенно прав. Но «бренд», или по-старому говоря, репутация, штука многогранная. Есть деловая репутация – профессионализм, надежность; есть моральная репутация – честность в быту, великодушие, верность семейному долгу, – эти стороны репутации вызывают уважение к человеку или народу, вызывают желание иметь с ними дело, сотрудничать. Но бывают еще и такие качества, которые пробуждают бескорыстное восхищение и даже любовь, хотя в деловом отношении они почти бесполезны.

Во всяком случае, у нас в России это очень заметно. Если нам сказать, что такой-то гражданин сорок лет ходил на работу и ни разу не опоздал, мы почтительно пожимаем, но с оттенком скуки. Если прибавить, что он при этом ни разу не изменял жене, мы снова пожимаем, но уже с оттенком сострадания. А вот если он спрыгнул с самолета без парашюта...

В России издавна пользовалась любовью Испания – одна из самых бедных и отсталых в ту пору стран Европы. Никому не было никакого дела до ее экспорта-импорта, урожайности, производительности труда – нас чаровали Дон Кихот, Дон-Жуан, Кармен, испанская гордость, не покорившаяся Наполеону, коррида, фламенко, кастаньеты, Севилья, сегедилья...

Сами испанские слова звучат для нас музыкой! И это едва ли не главный «бренд» – красивая сказка. Красивая сказка – это вовсе не ложь, но возвышенно истолкованная правда.

Своя сказка есть и у французов, и у англичан, и у немцев, и у итальянцев, и в этом сегодня перед Россией и Кореей стоят родственные задачи – поиск красивой сказки, способной очаровать господствующую западную цивилизацию. «Если Россия – самая восточная страна Европы, то Корея – самая „европейская“ страна Востока», – пишет Хам Ёнчжун, но поскольку Россия шагнула в Европу несколько раньше, хотелось бы предостеречь корейцев, чтобы они не повторяли наших ошибок.

* * *

В начале шестидесятых в Восточной Германии был снят фильм «Русское чудо» – о том, как Россия, в пароксизме безумия уничтожившая собственную элиту и разорившая страну, за двадцать лет создала военную индустрию, не уступающую Германии с ее вековой производственной культурой, первой вышла в космос (Гагарин – один из достойнейших наших брендов), открыла дорогу первоклассным ученым, спортсменам, а в области балета оказалась впереди планеты всей. Мы привыкли произносить эту фразу иронически, но ведь это правда! Только мы, ужаснувшись цене побед – скорее всего, многократно завышенной, а может быть, победам и вовсе не служившей – с какого-то времени не пожелаем и слышать, что чудо-то все-таки было! Что есть и Руси чем гордиться! В чем-то мы оказались ужасными, но в чем-то и восхитительными!

Но мы отказались и от восхитительного, поскольку им оправдывалось ужасное. Мы провозгласили, что мы «нормальная», то есть заурядная европейская, страна. Конечно, отставшая, то есть похуже прочих, но мы поднатужимся и сделаемся совершенно заурядными. Вероятно, наша революция рубежа девяностых и впрямь пошла особым путем – она совершалась не во имя каких-то прекрасных грез, но ради стремления к ординарности.

И много ли уважения, не говоря уже о любви, мы обрели у доминирующей цивилизации? Прежде нас хотя и побаивались, но зато и видели какую-то тайну, какой-то нераскрытый, а во многом и раскрытый потенциал – не зря же кумиры левой интеллигенции стремились отме-

таться в сталинском кабинете (к Гитлеру что-то никто не заехал, как ни модно их теперь отождествлять!). Но раз уж вы сами объявили, что вы такие же, как все, только похуже...

Сложившаяся цивилизация не будет смотреть на новичка сверху вниз, только если он предъявит ей что-то НЕВИДАННОЕ. Она дает ему понять: принеси то, не знаю что, но только что-то такое, чего у нас самих нет.

Бренд Советского Союза был сложен из черно-белых кусков, как надгробие Хрущева, но какой-то мягкой силой он обладал. Теперь, когда его покрасили в ровный серый цвет, от обаяния не осталось ничего. Да посмотреть хотя бы на наши вывески – смесь лакейского с американским: «вижен сервис», «эдука-центр»...

Сегодня России больше нефти необходима красивая сказка – не агрессивная, но созидательная. Однако мы ее, похоже, надолго профукали.

У Кореи такая сказка, возможно, есть, но в России она практически неизвестна. Корея отражалась в России лишь в очень немногих неискаженных политикой зеркалах, как старого, так и нового времени.

Попытаемся поискать в этих зеркалах чего-то небывалого, из чего можно соткать ковер какого-то нового чарующего образа.

В старых зеркалах

История первых контактов России и Кореи очень увлекательно изложена известным исследователем российско-корейских отношений Татьяной Симбирцевой в статье «Амурский нос» («Восточная коллекция», № 4, 2007). В очень сжатом виде она выглядит примерно так.

Первое изображение Кореи на русской карте появилось около 1678 г. – в период «албазинских войн» с Китаем. Карта эта называлась «Чертеж Сибири» и была составлена главой третьего русского посольства в Китай (1675 г.) Спафарием. Весьма образованный для своего времени человек, он находился на службе у молдавских господарей, но вследствие каких-то интриг в 1671 году переселился в Россию, где стал переводчиком Посольского приказа, а затем, благодаря своей учености, был назначен царским посланником в Китай. Спафарий, по-видимому, и был первым, кто сообщил россиянам о существовании Кореи и даже представил далекую от реальности карту Корейского полуострова – Амурского носа.

И, что не менее важно, в его фундаментальном труде «Описание первья части вселенная, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство, с прочими его города и провинции» имеется целая глава «Описание государства Корей, сколько в нем городов и что в них сыщется».

Язык этого описания настолько аппетитен, что невозможно удержаться от дословного цитирования: «Меж уезда Леаотунга и меж Амура есть государство Корей, в котором есть хан особой, только поддан Китайскому хану. И у них многие такие ханы подданы и признак тот, что те ханы возьмут от царя Китайского печать золотую. И наипаче для того тутошней хан поддан Китайскому царю, потому что всегда со страхом живут от жителей Японского острова, а китайцы их обороняют от японцев. Ожнакожде и японцам дань дают корейские ханы. Только хан корейской как умрет, тогда тот, которого выбирают, должен ехать в Пежин и тут подданство свое показать тем Китайскому царю. И у отца нынешнего богдыхана был хан корейской в Пежине для подтверждения ханства своего, как эзуиты сказывают, потому что из них многие и католическую веру приняли.

И то государство стоит на великом носу морском неподалеку от усть Амура. Только та трудность есть, что надобно обходить тот нос далеко по морю. А как бы не было того носа, от усть Амура зело бы было близко ехать в Китай, однакожде и так мочно ехать, только далеко будет объехать. Только тот путь морской еще не проведан, потому что никто от русских еще от усть Амура не ходили на право. А Корей именуют японцы то государство. А китайцы зовут Хаосиэнь. И китайцы многие бои учинили с корейцами и многижды свободались от подданства, а многижды их и китайцы смирили. Также и с богдойцами многие бои учинили. А ныне тому лет больше двадцати что богдойцы понудили их волосы брети по своему обычаю богдойскому и платья носить такие же, и они изменили и многие бои с богдойцами учинили, покамест они от богдойцев во всем освободились.

А вся та страна разделяется на 8 уездов, а в среди государства стоит прекрасной и великой стольной город именов Пиниан. И опричь того есть и иные многие города их. И уложение, и обычаи, и лицо, и язык, и учение, и вера вся равная, что и у китайцев. А мёртвых у них не хоронят в землю до третьего году, что и китайцы, только кладут в деревянные прекрасные гробницы, держат дома и всегда честь воздают им и курят. Только тем они разделяются от китайцев, что они жён не так крепко хранят, что китайцы: только пускают их ходить по улицам гулять и для того поругаются им китайцы. Также и не сватаются что и китайцы. Потому что они самовольно выбирают и женятся с кем им любо, а китайцы сватаются чрез родителей своих и кого они хотят и с тем сватаются.

А государство то во всяких вещах зело плодовитое, пшеница и всякие плоды родятся наипаче Сорочинская, которая двойная, что и в Японском острове родится, се есть которая

родится на воде и которая на суше. И только в сей стране родится, и та есть лучше всех иных пшеница. Также всякие овощи здесь рождаются, и бумага китайская и олифа, что и в Японском острове родится же и корень гинзен, и золота и серебра множество есть. Только то государство ни с которыми государствами опричь с китайцами и японцами не торгуют и не знают; также и жемчугу множество доброго на том море промышляют и та страна во всем прехвальная, только ещё не проведенная ни от наших людей русских, ни от иных государств». («Богдойской землей», насколько я понял, в ту пору именовалась Южная Маньчжурия.)

Корейцы же зафиксировали существование русских на двадцать лет раньше, принимая участие все в тех же албазинских войнах. Как пишет Т. Симбирцева, в 1654 г. корейским отрядом руководил военный вице-губернатор провинции Хамгён (*пёнма уху*) Пён Гып, а в 1658 г. – *пёнма уху* той же провинции Син Нью. Вторая экспедиция считается особенно успешной: отряд русских казаков был разгромлен, а его начальник – «приказной человек великой реки Амура новой Даурской земли» Онуфрий Степанов убит. *Пёнма уху* Син Нью рассказал об участии в этой военной операции в своём дневнике «Подневные записи о походе в северные земли» («*Пукчон ильги*»). Записи эти тоже очень колоритны.

На берегу Северного моря есть шайка разбойников одного племени. Откуда они родом – неведомо, но они, живя в лодках, стали спускаться вниз по течению р. Хэйлунцзян (Амура) и грабить.

Трудно сказать, находится ли их страна в верхнем течении Амура или они пришли по суше и спустились вниз по реке на кораблях. Поскольку в верховьях Амура говорят, что они пришли оттуда, где живут монголы, то непохоже, чтобы их страна находилась в верховьях Амура – видно, и маньчжуры не знают, где их логово.

Их стрелковое искусство превосходно. В предыдущих войнах китайцы терпели от них серьёзные поражения и несли большие потери убитыми, и вот теперь, в единственной битве за 3–4 часа все их корабли пошли ко дну. Поистине, победа или поражение – это судьба, и дело тут не в мастерстве владения оружием. Их лица и волосы очень сильно напоминают южных варваров, но выглядят они более свирепыми. Так что даже если они и не южные варвары, то, как совершенно очевидно, – их соседи. Хотя главный переводчик Ли Мэнсянь говорит, что они *О-ро-со*, другими словами – люди из страны Чхаххан.

Слово *Чхаххан*, которым именовалась Россия, происходило от монгольского *чха-хам*, *чхаган* – так называли людей белой расы. Беседа с пленным казаком произвела на полководца сильное впечатление: «Этот вражеский пленник говорил, что после того, как они покинули свою страну, они через четыре года добрались сюда, на Амур. Как можно четыре года идти по чужим землям, а после этого ещё и сражаться в этих местах? Этому невозможно поверить».

К счастью, к концу XIX века российские путешественники если даже и оказывались в Корее, как тогда это было принято, не без разведывательных целей, то, по крайней мере, никого не грабили. Вот и в середине века моряки с фрегата «Паллада», по свидетельству создателя Обломова, не совершили ничего особенно предосудительного.

Напомню, если кто забыл.

* * *

4 апреля. Наконец, 2 апреля¹, пришли и на Гамильтон (Комундо. – А. М.) 1854 г. Шкуна была уж там, а транспорта, который послан в Шанхай, еще нет. Я вышел на ют, когда стали становиться на якорь, и смотрел на берег. Порт, говорят наши моряки, очень удобный, а бере-

¹ Дело происходит в 1854 году.

гов почти нет. Островишка весь три мили, скалистый, в камнях, с тощими кое-где кустиками и реденькими группами деревьев. «Это всё камелии, – сказал К[орсаков], командир шкуны, – матросы камелиями парятся в бане, устроенной на берегу». Некоторые из наших тотчас поехали на берег. Я видел его издали – не заманчиво, и я не торопился на него. Кое-где сонными водами маленьких бухт жались в кучу хижины корейцев. Видны были только соломенные крыши, да изредка кое-где бродили жители, все в белом, как в саванах. Наконец нам довелось увидеть и этот последний, принадлежащий к крайне восточному циклу народ.

Корею, в политическом отношении, можно было бы назвать самостоятельным государством; она управляется своим государем, имеет свои постановления, свой язык, но государи ее, достоинством равные степени королей, утверждаются на престоле китайским богдыханом. Этим утверждением только и выражается зависимость Кореи от Китая, да разве еще тем, что из Кореи ездят до двухсот человек ежегодно в Китай поздравить богдыхана с новым годом. Это похоже на зависимость отделенного сына, живущего своим домом, от дома отца.

К сожалению, до сих пор мало сведений о внутреннем состоянии и управлении Кореи, о богатстве и произведениях страны, о нравах и обычаях жителей. О[тец] А[ввакум] сказывал мне только, что обычай утверждения корейского короля китайским богдыханом до сих пор соблюдается свято. Посланные из Кореи являются в Пекин с подарками и с просьбой утвердить нового государя. Богдыхан обыкновенно утверждает и, приняв подарки, отдаривает посланных гораздо щедрее. Впрочем, он не впутывается в их дела. Когда однажды корейское правительство донесло китайскому, что оно велело прибывшим к берегам Кореи каким-то европейским судам, кажется, английским, удалиться, в подражание тому, как поступило с этими же судами китайское правительство, богдыхан приказал объявить корейцам, что «ему дела до них нет, и чтобы они распоряжались, как хотят».

Еще известно, что китайцы и корейцы уговорились оставить некоторое количество земель между обоими государствами незаселенными, чтобы избежать близкого между собою соседства и, вместе с тем, всяких поводов к неприятным столкновениям и несогласиям обоих народов.

Когда наша шлюпка направилась от фрегата к берегу, мы увидели, что из деревни бросилось бежать множество женщин и детей к горам, со всеми признаками боязни. При выходе на берег мужчины толпой старались не подпускать наших к деревне, удерживая за руки и за полы. Но им написали по-китайски, что женщины могут быть покойны, что русские съехали затем только, чтоб посмотреть берег и погулять. Корейцы уже не мешали ходить, но только старались удалить наших от деревни.

Через час наши воротились и привезли с собой двух стариков, по-видимому, старшин. За ними вслед приехала корейская лодка, похожая на японскую, только без разрубленной кормы, с другими тремя или четырьмя стариками и множеством простого, босоногого, нечесанного и неопрятного народа. И простой, и непростой народ – все были одеты в белые бумажные, или травяные широкие халаты, под которыми надеты были другие, заменявшие белье; кроме того, на всех надето было что-то вроде шаровар из тех же материй, как халаты, у высших белые и чистые, а у низших белые, но грязные. На некоторых, впрочем немногих, были светложелтые или синие халаты.

Сандалии у них похожи на японские, у одних тростниковые, или соломенные, у других бумажные. Всего замечательнее головной убор. Волосы они зачесывают, как ликейцы (жители архипелага Рюкю. – А. М.), со всех сторон кверху в один пучок, на который надевают шляпу. Что за шляпа! Тулья у ней так мала, что только и покрывает пучок, зато поля широки, как зонтик. Шляпы делаются из какого-то тростника, сплетенного мелко, как волос, и в самом деле похожи на волосяные, тем более, что они черные. Трудно догадаться, зачем им эти шляпы? Они прозрачны, не защищают головы, ни от дождя, ни от солнца, ни от пыли. Впрочем, много шляп и других форм и видов: есть и мочальные, и колпаки из морских растений.

Я очень пристально вглядывался в лица наших гостей: как хотите, а это всё дети одного семейства, т. е. китайцы, японцы, корейцы и ликейцы. Китайское семейство, как старшее и более многочисленное, играет между ними первенствующую роль. Ошибиться в этом сходстве трудно. Тогда как при первом взгляде на малайцев, например, ни за что не причтешь их к одному племени с этими четырьмя народами. Корейцы более похожи на ликейцев, но только те малы, а эти, напротив, очень крупной породы. Они носят бороду; она у них большей частью длинная и жесткая, как будто из конского волоса; у одних она покрывает щеки и всю нижнюю часть лица; у других, напротив, растет на самом подбородке. Многие носят большие очки в медной оправе, с тесемкой вокруг головы. Кажется, они носят их не от близорукости, а от глазной болезни. В толпе я заметил множество страждущих глазами.

В 1786 году появилось в Едо сочинение японца *Ринсифе*, под заглавием: *Главное обозрение трех царств, ближайших к Японии – Кореи, Лю-цю (Лу-чу) и Есо (Матсмая)*. Клапрот как-то достал сочинение, обогатил разными прибавлениями из китайских географий и перевел на французский язык. Между прочим, там о корейцах сказано: «Корейцы роста высокого и сложения гораздо крепче японцев и китайцев и других народов».

Гостей посадили за стол и стали потчевать чаем, хлебом, сухарями и ромом. Потом завязалась с ними живая письменная беседа на китайском языке. Они так проворно писали, что глаза не поспевали следить за кистью.

Прежде всего они спросили: «Какие мы варвары, северные или южные?» А мы им написали, чтоб они привезли нам кур, зелени, рыбы, а у нас взяли бы деньги за это, или же ром, полотно и тому подобные предметы. Старик взял эту записку, надулся, как петух, и, с комической важностью, с амфазом, нараспев, начал декламировать написанное. Это отчасти напоминало мерное пение наших нищих о Лазаре. Потом, прочитав, старик написал по-китайски в ответ, что «почтенных кур у них нет». А неправда: наши видели кур.

Прочие между тем ели хлеб и пили чай. Один пальцем полез в масло, другой, откусив кусочек хлеба, совал остаток кому-нибудь из нас в рот. Третий выпил две рюмки голого рома, одну за другой, и не поморщился. Прочие трогали нас за платье, за белье, за сапоги, гладили рукой сукно, которое, по-видимому, очень нравилось им. Особенно обратили они внимание на белизну нашей кожи. Они брали нас за руки и не могли отвести от них глаз, хотя у самих руки были слегка смуглы и даже чисты, то есть у высшего класса. У простого, рабочего народа – другое дело: как везде.

Старику повторили, что мы не даром хотим взять провизию, а вот за такие-то вещи. Он прочитал опять название этих вещей, поглядел на нас немного, потом сказал: «пудди». Что это значит: нельзя? Не хочу? Его попросили написать слово это по-китайски. Он написал: вышло «не знаю». Думали, что он не понял, и показали ему кусок коленкора, ром, сухари: «пудди, пудди», твердил он. Обратились к другому, бойкому и рябому корейцу, который с удивительным проворством написал по-китайски. Он прочитал записку и, сосчитав пальцем все слова в записке, которыми означались материя, хлеб, водка, сказал: «пудди».

Передали записку третьему. «Пудди, пудди», – твердил тот задумчиво. О[тец] А[ввакум] пустился в новые объяснения: старик долго и внимательно слушал, потом вдруг живо замахал рукой, как будто догадался, в чем дело. «Ну, понял наконец», – обрадовались мы. Старик взял о[тца] А[ввакума] за рукав и, схватив кисть, опять написал «пудди». «Ну, видно, не хотят дать», – решили мы, и больше к ним уже не приставали.

Вообще они грубее видом и приемами японцев и ликейцев, несмотря на то, что у всех одна цивилизация – китайская. Впрочем, мы в Корею не видали людей высшего класса. Говоря о быте этих народов, упомяну мимоходом, между прочим, о существенной разнице во внутреннем убранстве домов китайских с домами прочих трех народов. Китайцы в домах у себя имеют мебель, столы, кресла, постели, табуреты, скамеечки и проч., тогда как прочие три народа сидят

и обедают на полу. Оттого это, чтоб не запачкать пола, который служит им вместе и столом, при входе в комнаты снимают туфли, а китайцы нет.

Между тем набралось на фрегат около ста человек корейцев, так что принуждены были больше не пускаться. Долго просидели они и наконец уехали.

Довольно бы и этого. Однако нужно было хоть раз съездить на берег, ступить ногой на корейскую землю. Вчера нас человек шесть, семь отправились в катере к одной из деревень. У двоих из нас были ружья стрелять птиц, третий взял пару пистолетов. На берегу густая толпа сжалась около нас, стараясь отклонить от деревни. Но мы легко раздвинули их, дав знать, что цель наша была только пройти через деревню в поля, на холмы. Видя, что с нами нечего делать, они предпочли вести нас добровольно, нежели предоставить нам бродить, где вздумается. Мы все хотели идти внутрь села, а они вели нас по окраинам. Впрочем, у нас у самих тотчас же пропала охота углубляться в улицы, шириною в два шага.

Мы шли между двух заборов, грубо сложенных из неровных камней без всякого цемента. Из-за заборов видны были только соломенные крыши и больше ничего. Когда мы пытались заглянуть за забор или входили в ворота – какой шум поднимали корейцы! Они даже удерживали нас за полы, а иногда и толкали довольно грубо. Но за это их били по рукам, и они тотчас же смиряться.

Они успокоились, когда мы вышли через узенькие переулки в поле и стали подниматься на холмы. Большая часть последовала за нами. Они стали тут очень услужливы, указывали удобные тропинки, рвали нам цветы, показывали хорошие виды.

Мы шли по полям, засеянным пшеницей и ячменем; кое-где, но очень мало, виден был рис да кусты камелий, а то всё утесы и камни. Всё обнажено и смотрит бедно и печально. Немудрено, что жители не могли дать нам провизии: едва ли у них столько было у самих, чтобы не умереть с голоду. Они мочат и едят морскую капусту, выбрасываемую приливом, также ракушки. Сегодня привезли нам десятка два рыб, четыре бочонка воды, да старик вынул из-за пазухи сверток бумаги с сушеными трепангами (род морских слизняков, с шишками). Ему подарили кусок синей бумажной материи и примочку для сына, у которого болят глаза.

Погуляв по северной стороне островка, где есть две красивые, как два озера, бухты, обсаженные деревьями, мы воротились в село. Охотники наши застрелили дорогой три или четыре птицы. В селе на берегу разостланы были циновки: на них сидели два старика, бывшие уже у нас, и пригласили сесть и нас. Почти все жители села сбегались смотреть на редких гостей.

Они опять подробно осматривали нас, трогали платье, волосы, кожу на руках; с меня сняли ботинки, осмотрели их, потом чулки, зонтик, фуражку. Разговор шел по-китайски, письменно, через о[гца] А[ввакума] и Г[ошкевича].

«Сколько вам лет?» – спрашивали они кого-нибудь из наших. «Лет 30–40», – отвечали им. «Помилуйте, – заговорили они, – мы думали, вам лет 60 или 70». Это крайне восточный комплимент. «Вам должно быть лет 80, вы мне годитесь в отцы и в деды», – сказать так, значит польстить. Они, между прочим, спросили, долго ли мы останемся. «Если долго, – сказали они, – то мы, по закону нашей страны, обязаны угостить вас от имени правительства обедом». Совершенно как у японцев; но им отвечали, что через два дня мы уйдем и потому угощения их принять не можем.

В толпе я видел одного корейца с четками в руках: кажется, буддийский бонз. На голове у него мочальная шапка.

5-е апреля. Вчера случилась маленькая неприятность. Трое из наших отправились на берег. Толпа корейцев окружила их и не пускала идти от берега далее. Они грозили им и даже толкали их в ров. Наши воротились на фрегат, но отправились обратно уже в сопровождении вооруженных матросов; надо было прибегнуть к мерам строгости. Сегодня старик приехал рано утром и написал предлинное извинение, говоря, что он огорчен случившимся; жалеет, что мы не можем указать виновных, что их бы наказали весьма строго; просил не сердиться и

оправдывался незнанием корейцев о том, что делается «внутри четырех морей», т. е. на белом свете. Его и товарищей, бывших с ним, угостили чаем, водкой и сухарями и простились с ними надолго, если не навсегда.

В самом деле им неоткуда знать, что делается «внутри четырех морей». Европейцы почти не посещали Корею.

* * *

Русские тоже. И все-таки от них очевидно не ждали ничего хорошего – не слишком, видно, приятный опыт остался у корейцев от общения с чужеземцами. . . Жесткая сила уничтожает всякое значение мягкой. Похоже, у прежних путешественников редко возникало желание заглянуть в душу народа или оставить по себе приятное впечатление. Впрочем, они были не поэты, а люди дела.

Вот отрывки из дневника П. М. Делоткевича, чей облик стерт, а имя позабыто (написание имен собственных сохранено).

* * *

6 декабря 1885 г. я вышел из Владивостока на пароходе «Байкал», принадлежащем г-ну Шевелеву, и 8 декабря прибыл в Нагасаки, откуда на пароходе японской компании Митцубиши «Мино-мару» отправился 14 декабря в корейский порт Чимильпо.

. . . На третий день по выходе из Нагасаки пароход «Миномару» пришел в Фузан, сделав переход от ближайшего японского острова в 7 часов времени. Какая значительная разница климата между японскими владениями и Кореей, можно видеть из того, что на упомянутых мною японских островах было тепло и вся местность покрыта зеленью, а в Фузани, т. е. ровно через 7 часов хода парохода, стояла настоящая русская поздняя осень; вся растительность была пожелтевшая. Гавань в Фузани хорошая и спокойная, местность гористая и безлесная. Жители города – корейцы. Из иностранцев живут здесь только 4 немца, 2 англичанина, служащие в корейской таможне, и несколько японцев со своим консулом. Японцы занимаются торговлей, причем торгуют преимущественно бумажными материями английских и германских фабрик, которые обменивают на корейские продукты, как-то: кожи, сушеную рыбу, а также на золото в руде. Цены на все в Фузани чрезвычайно высокие.

Наш пароход «Мино-мару» выгрузил в Фузани 160 тонн товаров, преимущественно бумажных изделий, и нагрузился 70 тоннами меди в слитках, доставленной сюда пароходом той же компании «Тамауро-мару» из Гинзана. На третий день по выходе из Фузана «Мино-мару» пришел в Чимильпо, где в это время стояло на рейде несколько военных судов: 2 китайские лодки и 1 корвет, 3 английские лодки и 1 японский корвет. В Чимильпо суда становятся на якорь в расстоянии около 2 верст от берега. Разница между приливом и отливом достигает здесь 28 футов. Приливное и отливное течение весьма сильное, доходит до 6 узлов (6 морских миль в час), что крайне затрудняет сообщение судов с берегом. В гавани масса китайских и корейских шлюпок, которые ходят до устья р. Сеула и возят туда грузы. Чимильпо представляет собою небольшое местечко, населенное преимущественно корейцами. В местечке имеется 2 гостиницы – немецкая и японская. Вся торговля здесь сосредоточена в руках китайцев и японцев. Из трех лавок 2 принадлежат китайцам и 1 японцам. В этих лавках торгуют товарами, привозимыми из Шанхая и Японии, преимущественно бумажными изделиями, а также бакалейными товарами для европейцев. Цены на все предметы очень высокие. В Чимильпо живет 10 европейцев, которые служат чиновниками в местной таможне. Один из этих чиновников русский. Англия, Япония и Китай имеют здесь своих представителей в лице консулов. При китайском консуле состоит конвой из китайских солдат.

Корейцы ведут с японцами и китайцами меновую торговлю своими продуктами, как-то: бычачьими шкурами, золотом в руде (золото вывозится тайно), серой и серебром в слитках.

Расстояние от Чимильпо до корейской столицы составляет 40 русских верст. Сообщение производится верхом или на носилках. На протяжении этого пути местность открытая, не особенно гористая, покрыта множеством озер, образующихся от приливов. Говорят, что летом эти озера издают гнилостный запах. Во время отлива весь берег обнажается на 1 версту и шлюпки остаются на сухом пути. Грунт илистый. Дорога идет большей частью по горам и через небольшие долины. В теплое время дорога очень затруднительна, представляя массу рытвин. Не доезжая 10 верст до столицы, приходится ехать по руслу реки, которую корейцы называют Сеул. Эта река сильно обмелела, и по ней несло как бы снег, но это оказался песок.

21 декабря 1885 г. Прибыл в Сеул, пройдя пешком и проехав на корейской лошади сорокаверстное расстояние в продолжение 10 часов. Было очень холодно и сильный ветер. По прибытии в Сеул я хотел нанять какое-нибудь помещение, чтобы расположиться тут временно, пока не получу паспорт и хотя немного ознакомлюсь с наречием южных провинций. В Фузане и Чимильто я заметил значительную разницу говора корейцев сравнительно с корейцами, живущими у нас в Южноуссурийском крае и в северных провинциях Кореи. В южных провинциях только некоторые слова языка подходят по акценту к языку северных провинций. Оказалось, что в Сеуле нет ни одной гостиницы, а корейцы не только не принимают к себе на квартиру европейцев, но даже не позволяют и временно заходить в свои помещения для осмотра. Наш уполномоченный К. Н. Вебер был так добр, что предложил мне остановиться у него, пока он выхлопочет паспорт от корейского правительства для свободного прохода через Корею до русской границы. Русское консульство пока помещается в корейском доме, принадлежавшем прежде какому-то князю, а ныне конфискованном правительством. Говорят, что на будущий год намерены строить для нашего консульства каменное здание; место для этого уже набрано и представляет одно из лучших мест Сеула как относительно живописного вида на окрестности, так и в смысле гигиеническом: место высокое, летом прохладное и не смежное с другими грязными дворами.

С 21 декабря 1885 по 10 января 1886 г. изучал корейский язык и осматривал столицу. Вокруг столицы местность гористая, песчаная; растительность очень бедная, кое-где как будто бы насажено несколько рощ, преимущественно сосновых и, по-видимому, их очень берегут. Везде рисовые поля, а по горам – кладбища и памятники. Ни кустарника, ни травы, – все это старательно срезано и скошено.

Сеул имеет около 300 тыс. душ населения; лежит в глубокой котловине. Самый город стоит в 5 верстах от р. Сеул, обнесен кругом, на протяжении почти 8 верст, каменной стеной, имеющей в некоторых местах до 4 сажень высоты и сажени 2 толщиной. Стена имеет 6 ворот, сделанных из дерева, карнизы которых украшены вылитыми из чугуна изображениями разных зверей, а двери раскрашены в виде национального флага, изображающего как бы две груши, сложенные вместе, причем одна половина синяя, а другая белая. Городские ворота каждый вечер с заходом солнца запираются при колокольном звоне и ружейных выстрелах. После запирания ворот никто уже не имеет права ходить по городу, за исключением лиц, имеющих правительственное разрешение. Утром, с восходом солнца, ворота отпираются с такою же церемонией, как и запирались. Тут же у ворот стоит стража и разложено оружие, состоящее из насаженного на деревянное древко, в виде кривого ножа, железа. На вид оружие это производит впечатление очень старого.

Посередине города протекает небольшой ручей. Воду из этого ручья употребляют исключительно для стирки белья. Для питья и пищи воду берут из колодцев, которых много нарyanto близ ручья. Переходы через ручей по направлению улиц состоят из солидных размеров каменных мостов, построенных, по-видимому, в очень древние времена. Дома большей части небогатых жителей сделаны мазанками; снаружи они обложены камнями, которые укреплены каж-

дый отдельно соломенными веревками за решетины. Внутри и снаружи дома вымазаны глиной. Все дворы имеют ограду из камня или кустарника; окна домов выходят во двор, а на улицу обращены только трубы и небольшие отверстия для пропуска дыма. Топка печей производится внутри помещения, и здесь же устроено помещение для сваливания мусора и сливания помоев; крыши соломенные и черепичные. Правительственные здания и дома богатых купцов строятся каменные или деревянные, крыши черепичные с разными украшениями в виде японских, и вообще, как я заметил, крыши и ворота составляют главную отделку; дома обнесены каменным забором около сажени высотой; комнаты внутри оклеены бумагой или обоями своей выделки, очень хороших качеств; топка печей производится снаружи, а труба проходит по всему дому, служа полом и печью. Труба оклеена крепкой масляной бумагой. Окна решетчатые, оклеены тонкой белой бумагой, а внутри комната разделена на много перегородок.

В Сеуле только две улицы прямые и широкие, одна из них от дворца идет на юг, а другая идет с запада на восток. Обе эти улицы застроены временными шалашами на 4 столбах, где очень дешево продают разную провизию, овощи, а также мелочные корейские изделия. Рассказывают, что когда король выходит из дворца, то обе эти улицы очищаются от торговцев и балаганы снимаются. Выход короля бывает один раз в год. Другие улицы города – узкие, около 3 сажень ширины, кривые и очень смрадные, в особенности вечером и утром, когда приготавливают пищу и дым стелется прямо по улицам, благодаря трубам, которые выходят на улицу и оканчиваются у основания дома, а не выше крыш. Рассказывают, что летом, когда нечистоты выбрасываются прямо на улицу, последние делаются еще отвратительнее. Собак в Сеуле очень много; в каждом доме содержится их несколько штук для продажи в пищу. На базаре продают для употребления в пищу сорок, ворон и разных других птиц. В Сеуле преобладает торговля преимущественно внутренняя, корейская. Корейцы покупают необходимые им товары оптом в Чимильпо и продают в розницу. Хотя у корейцев имеются и своего изделия бумажные материи, но они гораздо хуже и стоят сравнительно дороже. Кроме того, в Сеуле две китайские лавочки и одна японская торгуют разными мелочами, преимущественно европейского изделия. Кроме красок для окраски материй, продается много и других предметов китайских и японских, покупаемых в Чимильпо, где очень дешево продаются деревянные изделия, шкафы, ящики и пр. довольно хорошей работы, а также металлические изделия ручной работы. Хорошей крошки табак стоит на наши деньги 20 копеек за фунт. Табак некрепкий, имеет приятный аромат. Золотой и серебряной монеты в обращении нет; а все медные, которых в 1 долларе считается 1500–2000 кеш, смотря по спросу; эти монеты нанизываются на веревки, таким образом, можно видеть целые подводы, нагруженные монетой, когда бывает расчет между купцами, что производится каждые две недели. Рис, горох и другие зерна стоят немного дешевле, чем у нас; овса и ячменя совсем нет, а также картофеля и капусты.

В Сеуле живут представители Англии, Германии, Америки, Японии и Китая. Сверх того, несколько иностранцев состоят на службе у корейцев, именно: 2 доктора американца, 3 немца и 1 русский в таможене; учитель английского языка – американец. Школа устроена только полгода тому назад. Обучают мальчиков читать и писать по-английски. Кроме того, имеется один японский офицер, который обучает корейских солдат стрельбе и сигналам, на европейский образец. 2000 таких солдат вооружены ружьями Пибоди и имеют особенную форму. Кроме того, считается до 10 тыс. другого войска, вооруженного копьями и стрелами. Это войско имеет своих особых начальников и, как говорят, собирается ежегодно для проверки. Жалованья эти войска не получают, оно выдается им рисом или чумизой, смотря по стрельбе и назначению, от 4 до 24 мер в месяц, принимая меру в 22 наших фунта. Одежду и обувь солдаты не получают, а отличаются от прочих корейцев синими халатами и войлочной круглой черного цвета шляпой, на верху которой тканая из материи красная шишка, сзади же спускается до самых плеч красный султан из конского волоса. Китайский и японский консулы имеют вооруженный конвой от корейцев, другие же консулы имеют только невооруженных сторожей.

Движение в Сеуле происходит очень оживленное. Пассажиров перевозят на носилках, а тяжести близ города – на двухколесных телегах, запряженных 2–4 быками. Рогатый скот очень рослый, по-видимому, представляет собою помесь с маньчжурским и стоит дорого. Остальные перевозки тяжестей производятся на вьючных лошадях и коровах. Таких вьючных транспортов ежедневно переходит через город масса, преимущественно с топливом, сосновыми ветвями, рисом и другими продуктами.

Корейские чиновники ездят верхом и обыкновенно так: чиновник сидит на коне, один из слуг ведет коня или осла за повод, а один или двое бегут сзади за лошадью, погоняют ее и как бы поддерживают седока, а вместе с тем кричат, чтобы встречающиеся давали дорогу. Впрочем, только мелкие чиновники ездят таким образом. Сановников всегда несут в носилках. В этих случаях впереди, шагов за 200, бегут попеременно несколько человек и кричат, чтобы очистили дорогу, а сзади и по бокам провожает целая масса прислуги. Более знатный и богатый имеет и больший штат служащих. Некоторые помещики имеют до 1000 душ. Взрослый человек продается от 240 до 300 тыс. кеш, что на наши деньги составит около 200 рублей.

Жители здешние имеют цвет лица немного блее и вообще наружный вид лучше корейцев, населяющих Южно-Уссурийский край. Одежды носят белые из шертинга или шелковые; на некоторых корейцах видел одежды других цветов, преимущественно серого. Женщины же и дети любят яркие цвета.

* * *

Картину, как видим, трудно назвать сколько-нибудь отрадной даже для неизбалованного русского глаза. Трудно извлечь оттуда хотя бы единственную нитку, которая могла бы украсить будущий ковер. Но для контраста, для того чтобы подчеркнуть взлет новой Кореи, увы, годится почти все.

А вот вам отчет вполне официальный.

КРАТКИЙ ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ КОРЕИ КНЯЗЯ ДАДЕШКАЛИАНИ, СОСТОЯЩЕГО ПРИ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИАМУРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА²

(1885 г.)

Границы.

Редкая страна имеет такие строго определенные естественные границы, как Корея. Природа точно предвидела ее политическую слабость и провела ей такую пограничную линию, что трудно было бы найти благовидный предлог для пограничного спора с ней.

Путь из Нагасаки до Сеула идет следующим образом: пароход привозит вас сначала в порт Фузан на юго-восточной оконечности полуострова; из Фузана вы плывете на запад, все время в виду берега; через 15–18 часов безостановочного плавания пароход огибает юго-западный угол полуострова и, опять следуя вдоль берега, направляется на север в порт Чемульпо.

Таким образом, прежде, нежели высадиться на берег, уже имеешь понятие о всем южном и западном побережье, но на основании виденного с парохода на пути из Фузана в Чемульпо, приходишь к неосновательному заключению, будто весь полуостров образует груды песка и

² Впервые опубликован в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» (вып. XXII, СПб., 1886).

крупного известняка. Но стоит проникнуть вглубь страны, видишь все богатство страны. Правда, и здесь встречаются возвышенности, но они покрыты густой растительностью, т. е. богатейшими лесами, и не имеют вида горных цепей, а отдельных плодородных высот, отделенных друг от друга роскошными долинами.

Несмотря на то, что Корея страна гористая, в ней нет уголка, куда нельзя было бы свободно проникнуть: извилистые равнины имеют иногда до двухсот и более верст; а достигнув конца долины, достаточно подняться на незначительную высоту, чтобы опять увидеть равнину. Таков характер средней полосы полуострова.

По мере движения на северо-восток растительность становится все гуще, а горы – все выше; они не соединяются в хребты, и ими пользуются для установления правильного сношения между столицей и отдельными областями. С закатом солнца на вершинах обыкновенно разводят костры, с помощью коих передают известия о том, все ли обстоит благополучно, не случилось ли несчастья и не нужна ли помощь. Как известно, 22 декабря прошлого года в Сеуле были беспорядки³; текванский мандарин, который живет за 260 верст оттуда, уверял меня, что он узнал бы об этом в ту же ночь, если бы мятежники не захватили сигнальной горы в Сеуле. Устройство подобного телеграфа относится к шестнадцатому столетию, т. е. к эпохе постоянных нашествий номадов и японских дружин. Эти огни имеют еще и значение ночных путеводителей – я, по крайней мере, не раз пользовался ими.

Северо-восточная граница.

В восточной части полуострова природа меняет свой однообразный вид. Тут уже не группы отдельных возвышенностей, а целый горный массив. Это корейские Апеннины, но Апеннины, покрытые богатыми лесами.

Отрезываемая от полуострова цепью гор, береговая равнина между Кыгенпу и Вензеном имеет в среднем сорок верст ширины. Горы к ней спускаются круто, но тем не менее нельзя сказать, чтобы это была совершенная равнина, ибо здесь, как и в центральной Корее, встречается немало возвышенностей, которые изрезают равнину на мелкие участки, кладя таким образом естественный предел между здешними округами (каул). Но возвышенности эти в большинстве случаев представляют как бы отрезки от главной цепи, которые можно свободно обходить.

Я думаю, нет на свете страны, которая представляла бы такое разнообразие в климате, как Корея. Здесь на протяжении каких-нибудь 1200 верст представляются два мира – северный и тропический. В то время, когда север полуострова в течение двух с половиной месяцев покрыт глубоким снегом и охвачен морозами, юг цветет и весело улыбается теплым солнечным лучам.

Не менее изумительно разнообразие и в растительном царстве. Корея – это естественная оранжерея, где рядом с хвойными деревьями растут самые разнообразные виды тропической флоры. Ель, вяз, верба, береза, сосна, пихта и др. густой массой наполняют северные провинции; в южных же провинциях растут: лавр, пальма, виноградная лоза, оливковые, гранатные, апельсиновые, лимонные и чайные деревья, кипарисы, вишневое и тутовое дерево, сливы, каштаны, орешники и бамбук. Словом, растительный мир является на полуострове в полной силе и в величии. Но нигде я не видел, чтобы этот вид богатства эксплуатировался так слабо и неумело, как здесь. Польза, которую корейцы извлекают до сих пор из богатейших строевых и корабельных лесов, состоит только в том, что без всякой системы, самым хищническим образом вырубают их для вывоза в Китай за бесценку. Редкие ценные ягоды, которыми изобилует край, не только не составляют предмета торговли, но гниют под деревьями, заражая воздух миазмами. Несмотря на хорошее качество винограда, о вине нет и речи, о чае тоже. На степень

³ Имеется в виду политический переворот 4 декабря 1884 года, который был подготовлен японскими дипломатами при участии либерально настроенных корейских дворян во главе с Ким Ок Кюном с целью создания прояпонского правительства.

промышленности возведена только раскопка разных целебных кореньев, особенно женьшеня, который вывозится в Китай в большом количестве.

Животное царство представляет еще большее разнообразие. По рассказам корейцев и по шкурам, какие я встречал на рынках, видно, что Корейскому полуострову свойственны следующие млекопитающие: бурый медведь, волк, лисица, енотовидная собака, соболь, горноста́й, куница, барсук, рысь, белка, кабан, дикая коза, олень, лось. Этих животных особенно много в северных провинциях, и меха их составляют существенный предмет вывоза. Особенного внимания заслуживает в Корее изобилие леопардов и громадных бенгальских тигров. Мне рассказывали про невероятную дерзость этих зверей: мало того, что ими пожирается все вокруг селений, но они часто врываются в дома и нередко уносят людей; один из моих проводников носил траур по сестре, которая таким образом сделалась в прошлую зиму жертвой кровожадного тигра. Со своими фитильными ружьями туземцы не решаются охотиться на этих неустрашимых зверей; они предпочитают заманивать их при посредстве собаки или свиньи в капканы. На тигровые и леопардовые шкуры большой спрос в самом королевстве: они составляют необходимую принадлежность мандаринских носилок как эмблема могущества. Говоря о млекопитающих, нужно также упомянуть и об обезьянах, которых много на юге полуострова; я видел несколько экземпляров их, но, к сожалению, не мог определить, к какому именно разряду обезьян они относятся.

Из домашних животных отметим: пони, лошака, осла, быка, корову, собаку и свинью. Пони маленькие, но сила и выносливость их поразительны: из Сеула до Хамкеунга мы ехали на одних и тех же пони безостановочно, сделав в течение десяти дней переезд в 500 верст, на десятый день они нас несли так же быстро и выглядели такими же бодрыми, как и в первый день. Такими же достоинствами обладают корейские быки и коровы, которые к тому же могут считаться самыми крупными в мире. Оригинально, однако, то, что корейцы их не запрягают, а вьют или седлают, как лошадей.

Из птиц, помнится, я встречал в большом количестве фазанов, голубей, гусей, уток, лебедей и журавлей. А относительно рыб могу оказать только, что рыба в Корее во всеобщем и громадном употреблении. Из пресмыкающихся указывают на юге полуострова на саламандру и род крокодила, называемый *Alligator*, который заходит в реки и наводит ужас на матерей, дети которых любят купаться.

Сделанный мной перечень видов флоры и фауны, конечно, нельзя считать полным, вероятно, есть и много других типов, которых я не видел или не замечал на своем коротком пути. В надежде, что кто-нибудь их со временем пополнит, я перехожу к царству ископаемого, на которое корейцы возлагают большие надежды для поднятия своего благосостояния.

И действительно, минералы всех возможных родов попадают в Корее в таком изобилии, что на них справедливо можно рассчитывать как на важный источник государственного богатства.

Не считая себя красноречивее Реклю⁴, я приведу читателю слова его, с которыми вполне согласуются имеющиеся у меня сведения по этому предмету. Вот что говорит знаменитый французский географ о металлах в Корее: «Золото очень обильно в различных частях королевства, но строжайше запрещена как добыча золота, так и серебра из опасения, что трудно уследить за рабочими и чтобы не возбудить алчности соседей. Корея богата также свинцовыми и медными рудниками, несмотря на то, что бронзовые изделия привозятся из Японии. Что же касается до железа, то из него образованы целые горы, и обильные дожди смывают такое множество железа, что остается только поднимать его с земли».

⁴ Реклю, Элизе (1830–1905) – французский географ и социолог. В его труде «Земля и люди» дано описание Кореи.

К этому можно прибавить, что в Корее много и минералов: каменного угля, серы и проч., но они, как и металлы, пока не разрабатываются, если не считать добычи совершенно первобытным способом меди в Кансальских рудах для Сеульского монетного двора.

К числу богатств Корейского полуострова нужно отнести также и жемчуг, который здесь можно добывать в невероятно большом количестве. Дело в том, что на западном берегу Кореи приливы и отливы достигают тридцати футов высоты, и места, где при приливах свободно могут ходить большие морские суда, во время отливов совершенно мелеют и покрываются массой раковин с прекрасными жемчужными зернами всех возможных видов и размеров. Корейцы не понимают цены этим зернам, и добыванием его пока занимаются только редкие любители. Но со временем жемчужный промысел наверное будет одним из крупных промыслов в Корее.

На этом я заканчиваю очерк природных свойств Корейского полуострова, очерк далеко не полный, но, кажется, достаточный для того, чтобы составить хотя бы приблизительное понятие о богатствах края.

Посмотрим теперь, на долю какого народа выпала эта счастливая по дарам природы страна.

Население и общественный быт.

По сведениям, доставляемым через каждые три года начальниками провинций в центральное управление, два года тому назад в Корее считалось 10 630 000 жителей (в числе коих преобладали женщины).

Вся эта масса говорит на одном языке, исповедует одну религию, имеет одни обычаи и живет под одной властью. Эта общность существует спокон веков, она впиталась в кровь и плоть корейцев и обратилась в потребность.

Язык корейский совершенно самобытный и по существу своему не имеет ничего общего ни с китайским, ни с маньчжурским, ни с японским языками, хотя в нем попадает немало слов, заимствованных из этих наречий. Корейская азбука тоже иероглифная, но очень упрощенная, всего двадцать восемь звукораздельных знаков.

Корейцы – последователи учения Конфуция⁵, но религия эта, некогда идейная, до того ими искажена, что их смело можно назвать идолопоклонниками; как храмы, так и проезжие дороги заставлены множеством изображений злых, добрых, мудрых, коварных и тому подобных богов. Но, несмотря на всю эту декорацию, корейцы далеко не религиозны, и если они иногда и справляют какие-нибудь религиозные обряды, то это больше в виде развлечения, чем по религиозному чувству. Духовенство у них в совершенном пренебрежении, живет оно в глуши, в монастырях, без всякой связи с народом. Равнодушный к религии, кореец в тяжелую минуту делается крайне суеверным, и в этом только состоянии он обращается к содействию духовных лиц, на которых и в данном случае смотрит больше как на гадалщиков, чем на представителей духовного мира. Меня уверяли, что католическим миссионером легко удастся обращать корейцев в христианство; я действительно видел этих крещеных корейцев, но они столько же христиане, сколько были последователями Конфуция. Вообще корейцу, мне кажется, безразлично, будут ли его называть христианином, магометанином или язычником, лишь бы название не обязывало его ни к чему.

По характеру корейцы больше походят на японцев, чем на китайцев, которых они копируют. Корейцы остроумны, подвижны, впечатлительны, любознательны. За время моего пребывания в Корее я был истым мучеником; стоило мне показаться в каком-нибудь селении – и я делался средоточием сотенной толпы; должен был отвечать на массу вопросов, давать сведения о чужих краях, объяснять значение и употребление каждой вещи, бывшей со мной; часто дело доходило до того, что мне приходилось просто раздеваться, чтобы показать внутренние части

⁵ Конфуций – китайский философ (551–479 гг. до н. э.).

европейского костюма. Все для них было ново; удивлялись, что существует столько хороших вещей, и скорбели о том, что они до сих пор неизвестны им.

Отличительные черты корейцев – миролюбие, добродушие и покорность. Вся одиннадцатимиллионная масса управляется без войска, без штыков, одними только приказами мандаринов. Я был в самых глухих деревнях, где нет никакой власти, но не помню, чтобы порядок нарушался где-нибудь. Везде царят мир и тишина, и корейцы считают преступлением нарушить их. Они живут тихо и невозмутимо в известных, строго определенных рамках, в которых все рассчитано: они знают, когда и как нужно смеяться, когда и как – сердиться, когда и как – плакать. Кореец унаследовал все эти правила от предков своих и живет по этим правилам, точно актер на сцене, в хорошо выученной роли. Ему приказано драться, он дерется; не приказано восставать против властей – он и не восстает⁶; а если не запрещено быть любопытным, то почему ему не быть любопытным, если у него такая страсть. И вот это-то любопытство и одолевает его в последнее время. Изолированный от мира, он до сих пор не знал, что есть лучшая жизнь, лучшая обстановка, лучшие порядки. Он увидел новых людей, с новыми привычками, с новыми нравами. Все это ново и незнакомо для него; поэтому-то кореец и не понимает вас сразу. Не зная, например, испанского языка, мы можем объясниться с испанцем мимикой, жестом; кореец же этого не поймет не потому, чтобы он был туп или глуп – нет, он по-своему умен и понятлив, но его ум и понятия сложились в силу совершенно иных условий жизни: он и отрицает иначе, чем мы, и утверждает иначе, и иначе выражает радость и горе. Своеобразность корейцев особенно рельефно обрисовалась в музыке. Я не музыкант, и нельзя сказать, чтобы у меня был особенно тонкий слух, но от корейской музыки, от ее раздирающих уши звуков даже я приходил в отчаяние, между тем эта же самая музыка приводила в восторг и умиление корейцев.

По обычаям корейцев можно подразделить на две категории: на самобытных и окитаившихся. Простой народ держится более национальных обычаев, тогда как высшее общество во всем старается подражать китайской аристократии. Если корейские мандарины и не одеваются по-китайски, то это потому только, что боятся неодобрения народа. Костюм имеет для корейца важное значение; по платью узнают, к какому кто принадлежит сословию; женат ли человек или холост, по ком он носит траур и т. д. У так называемых «неблагородных» верхнее платье должно быть белого цвета, с мешкообразными рукавами и из простой материи, а у «благородных» – цветное, с узкими рукавами и из шелка. Женатые носят шляпы, длинные халаты и волосы, зачесанные вверх; а холостые – короткие куртки, длинную висячую косу и не имеют права на ношение шляп. Самое тяжелое – это выполнение обряда траура: в течение трех лет кореец ходит в рубище, в соломенном колпаке, закрывающем всю голову, сверх того у него еще закрыто лицо вуалью; если он лишился родственника, то опоясывается веревкой, а родственницы, – то лентой. Пока кореец не женат, т. е. носит косу и ходит без шляпы, он считается мальчиком, хотя бы ему было 60 лет, и не имеет прав гражданских. При таких условиях, конечно, он старается жениться как можно раньше, так что в Корее часто можно видеть 9–10-летнего мальчика уже женатого.

De jure семейная жизнь корейца основана на одноженстве, но de facto многоженство имеет широкое применение; если есть средства, то, помимо жены, на одних с ней правах, в доме корейца живут несколько наложниц, что не возбраняется ни законом, ни общественным мнением, – и законная жена должна мириться с этим. Насколько кореец не строг в семейной жизни, настолько верна и нравственна корейка: ее ничем нельзя ни подкупить, ни соблазнить; горе той, которая выкажет слабость: она безнаказанно может быть обезглавлена мужем или родственником. Строгость нравов корейки доходит до того, что все европейцы, проживающие в Корее, принуждены выписывать себе жен из Японии. К сожалению, я не мог составить

⁶ Это рассуждение автора о покорности корейцев глубоко ошибочно, ибо противоречит фактам истории.

себе никакого понятия ни о типе, ни о костюме этих восточных Пенелоп: они не показываются посторонним и являются на улицах не иначе, как в глухо закрытых носилках или же пешком, но покрытые с головы до ног белым покрывалом. Я видел только замужних женщин из простонародья, которые одеваются во что попало и от тяжких трудов потеряли всякую женскую прелесть. Но судя по типу мужчин, по их высокому росту, вероятно, и женщины в Корее не лишены привлекательности.

Женщины у корейцев, впрочем, как и у всех азиатских народов, не пользуются уважением, и на них смотрят как на рабынь. Редко покидая дом, корейка производит все работы по хозяйству; полевые же и другие работы исполняют мужчины.

Сельское хозяйство в Корее очень несложное: культивируются только рис и табак и то настолько, сколько необходимо для домашнего потребления. Более корейский поселянин ничего не производит. Между тем благодаря плодородной почве, прекрасной ирригации и благоприятному климату здесь могли бы процветать всевозможные отрасли сельского хозяйства.

Вследствие несложности хозяйства ограничено и число рабочего скота: в редком доме можно найти одновременно пони, быка и корову; одного из этих животных вполне достаточно корейцу для полевых работ, для заготовления дров и для привоза с ярмарки на целый год сушеной рыбы и морской капусты. При доме имеются еще, но тоже в ограниченном числе, собаки, свиньи и куры. Собака, наравне со свиньями и курами, предназначается для праздничного стола: собачье мясо – любимая пища корейца. Об овцах и козах в стране нет и помина, так как закон ввиду каких-то религиозных воззрений запрещает разводить их.

Обыкновенный стол корейских поселян состоит из вареного риса, травяного супа и сушеной рыбы – все это заливается каждый раз изрядным количеством рисовой водки⁷. Едят они три раза в день: утром рано, в полдень и вечером, перед тем как идти спать.

После завтрака начинается работа по хозяйству, которая по всем статьям заканчивается в полдень и возобновляется только на следующее утро. После полуденной трапезы мужчины или спят, или идут на улицу, где с длинными трубками в зубах проводят время до ужина в беседах между собой или с проезжими; конечно, при такой жизни корейские селения постоянно оживлены и имеют праздничный вид. Бывало, приближаешься к какому-нибудь населенному месту и далеко слышишь многолюдное собрание, шум, гам, веселый смех; въезжаешь – и вся эта масса набрасывается на путешественника, и начинаются те продолжительные расспросы и осмотры, о которых выше упомянуто.

Обирательство лежит в основании корейского обычного права; господство одних классов над другими, рабство, народное бесправие, централизация власти – все это тяжело давит сельчан. Самое ужасное зло в стране – это кастовое подразделение ее обитателей. Если бы мы стали перечислять все сословные градации Кореи, то это втянуло бы нас в длинное рассуждение о том, что собственно легло в основании подразделения корейцев на такое множество разноправных групп.

По своеобразному мировоззрению корейцев разные профессии порождают различных людей, с различным физическим и нравственным складом; например, книжники, которые с малых лет сидят над книгами и предки которых занимались тем же, не могут походить ни по виду, ни по характеру на потомственного землепашца или купца; а эти в свою очередь должны отличаться чем-нибудь от мясника или кожевника, залитых вечно кровью. Таким образом, выходит, что каждой специальности должен отвечать особый сорт людей с особым общественным положением.

По нашим понятиям, корейцев можно подразделить на три главные сословия: это благородные – янбани, полублагородные – чуйны и неблагородные – иваномы⁸. Эти три сословия

⁷ Замечательно, что корейцы вовсе не доят коров и не употребляют молочных продуктов.

⁸ Янбань – дворянин, помещик, состоящий на государственной службе. Чуйны (правильно – чжунин) – среднее промежу-

строго различаются между собой как по внешнему виду (костюму), так и по правам и отнюдь не должны смешиваться между собой посредством брака. Каждое из этих сословий в свою очередь имеет много подразделений. Так, например, степень благородства обуславливается прежде всего заслугами предков на государственной службе – при этом заслуги на гражданских должностях ставятся выше военных⁹; затем по состоянию, т. е. по числу слуг и рабов и средств для арендования королевских земель. Тут кстати заметить, что в Корее прав поземельной собственности не существует; по смыслу законов вся земля в королевстве принадлежит королю, или, говоря иначе, государству; а подданные, как благородные, так и неблагородные, должны считать себя только арендаторами государственных земель и вносить в казну известную плату за арендуемую ими землю. Таково положение и по отношению земель под постройки; домовладельцу принадлежит только дом, а не земля под домом. Если кореец продает пахотную землю, то при этом полагается, что он продает только право пользования ею, которое ему предоставлено законом на известный срок; а если он продает усадьбу, то при оценке ее принимается во внимание только стоимость построек. Таким образом, выходит, что в Корее юридически нет землевладельцев, а есть только крупные и мелкие арендаторы государственных земель¹⁰; но при существующей ничтожной арендной плате и при том, что узаконена потомственная аренда, корейские арендаторы, в сущности, ничем не отличаются от наших помещиков и прочих землевладельцев.

Право крупного землевладения предоставляется только янбаням, которые обрабатывают свои участки своими слугами и рабами, остальные сословия или вовсе не имеют права занимать землю, или занимают лишь мелкие участки. Но не в этом только преимущество янбаней: все государственные должности распределяются между ними. Лица же прочих сословий не могут занимать никакой государственной должности.

Чуйны (полублагородные) исключительно посвящают себя должности евнухов, секретарей, переводчиков, и при этом те из чуйнов, которые несут службу во дворце короля, важнее прочих.

Самое сложное и многочисленное сословие – это иваномы (неблагородные); оно разбивается по роду и достоинству занятий и имеет почти столько же градаций, сколько существует разнородных занятий среди корейцев (благо, что их мало). В нем первые места занимают купцы и фабриканты¹¹, за ними следуют землевладельцы¹². Низшую ступень сословия иваномы составляют священники, носильщики и рабы.

Рабство – самое безобразное явление в королевстве, окончательно деморализующее население; благодаря ему могут тунеядствовать не только янбани и чуйны, но и промышленные классы, так как рабов может покупать всякий. Всех рабов и рабынь насчитывают в Корее до одного миллиона; эти несчастные одни составляют действительно трудящийся класс, кормят потом своего лица все остальные десять миллионов; на них одних зиждется государство. Между тем за ними не признается никаких человеческих прав, никакой собственности, хотя они обязаны трудиться всю жизнь. Всякий рабовладелец безотчетно располагает жизнью и смертью своего раба¹³.

точное сословие между янбанами и простонародьем. К чжунин относилась разночинная интеллигенция. Иваномы (правильно – вэно) – простонародье.

⁹ Положение корейского офицерства резко отличалось от положения привилегированной служилой бюрократии. Военные были лишены многих почестей и внешних признаков уважения, оказываемых чиновникам. Это объяснялось тем, что с середины XVII в. до 60-х годов XIX в. Корея не подвергалась нападению извне, вследствие чего уменьшилось значение армии и военщины.

¹⁰ Автор ошибочно называет помещиков арендаторами, фактически они были полноправными собственниками земли.

¹¹ Фабриканты – имеются в виду главы ремесленных цехов и хозяева кустарных мастерских.

¹² Землевладельцы – здесь, крестьяне арендовавшие государственную либо помещичью землю, реже – собственники небольших земельных наделов.

¹³ В 80-х годах XIX в. в Корее было много рабов (долговых и урожденных). Точных данных об этом числе нет. Дадешка-

Таков в общих чертах социальный строй в Корее. Он достаточно должен объяснить мотивы эмиграции, или, скорее, бегства корейских рабов и других угнетенных классов в наши южно-уссурийские владения. Мнение, что будто корейцы переселяются к нам вследствие тесноты и непроизводительности земель в их отечестве, не выдерживает критики, и я объясняю его происхождение не иначе, как совершенным незнанием с этим краем. Мы раньше говорили о том, насколько почва и климат Кореи способствуют производительности всякого рода, и теперь не будем возвращаться к этому. Но что касается тесноты, то в этом отношении обратимся к данным, добытым католическими миссионерами. Эти лица, старающиеся обыкновенно вникнуть во все и все исследовать, вычислили площадь королевства в 314 580 кв. км. Значит, Корея по пространству значительно больше Италии и равняется Великобритании. А если территории Италии хватает на 28 миллионов населения и территории Англии на 35 миллионов, то следует думать, что в Корее одиннадцатимиллионному населению не особенно тесно.

Государственное устройство.

Государство Корейское основано на строгой централизации и абсолютизме. Ван (король) – самодержец и полноправный владетель всей Кореи; он же духовный глава. Говорят, в былые времена достаточно было одного сдвигания бровей со стороны короля, чтобы стоящий перед ним вельможа распорол себе живот; впрочем, нечто подобное произошло еще недавно с высокопоставленными отцами двух ноябрьских конспираторов¹⁴. Словом, предполагается, что ван – маленький богдыхан, с теми же правами и значением в своем маленьком королевстве, как большой в своей большой империи.

Своеобразно то, что в то время, когда в Китае всякий китаец – без различия звания и состояния – может дойти до высших ступеней государственной службы, в Корее это возможно только для лиц благородного происхождения, т. е. для янбаней. Одни янбани окружают короля и, образуя многочисленный класс мандаринов (должностного дворянства), управляют страной по приказаниям короля. Одни из них живут в столице в качестве чинов центрального правления, другие – в провинциях в качестве провинциальных администраторов и прочих органов верховного правительства.

В административном отношении Корея разделена на восемь провинций. Провинции же делятся на округа – каули; округ – на участки – му; дальнейшие подразделения вызваны желанием открыть места для маленьких мандаринов. Провинции следующие: 1) Киэнг-сиэнг имеет 71 каули; 2) Тжиэн-ра – 56; 3) Тшиун-тисиэн – 54; 4) Киэнг-кю – 36; 5) Канг-уэн – 26; 6) Хоан-хай – 23; 7) Фиэнг-ан – 42; 8) Хамкиэнг – 24¹⁵.

Во главе провинции стоит начальник провинции, называемый камза. Он соединяет в своих руках гражданскую и военную власть – это нечто вроде генерал-губернатора. У каждого камза два помощника: по гражданским и военным делам; первый называется пенза¹⁶, а второй – те-тжиен¹⁷. Камза со своими помощниками живет в главном городе провинции и сосредоточивает в себе центральное управление провинций. Начальников каул, называемых пу-за¹⁸, можно приравнять к нашим военным губернаторам, но только пу-за в своем кауле – и командующий войсками, и гражданский судья, и казначей; словом, в нем сливаются все военные и

лиани, без сомнения, дает очень завышенную цифру.

¹⁴ Намек на политический переворот 4 декабря 1884 г.

¹⁵ Автор приводит искаженную транскрипцию названий 8 провинций, которые существовали по тогдашнему административному делению: 1) Киэнг-сиэнг – Кёнсандо; 2) Тжиэн-ра – Чолладо; 3) Тшиун-тисиэн – Чхунчхондо; 4) Киэнкю – Кёнгидо; 5) Канг-уэн – Канвондо; 6) Хоан-хай – Хванхедо; 7) Фиэнг-ан – Пхёнандо; 8) Хам-киэнг – Хамгёндо.

¹⁶ Пенза – правильно пёнса.

¹⁷ Те-тжиен – ёнчжан; офицерская должность.

¹⁸ Пу-за (пуса) – правитель округа.

гражданские должности. Некоторые большие провинции, как например пограничная с нами, разделены на полупровинции, и начальники их в подведомственных им районах имеют такие же права, как и камза относительно всей провинции.

Все восемь провинций находятся на одинаковом положении, для всех действуют одни законы, все они одинаково строго подчинены центральной власти, и камза, живущий у себя в провинции царьком, в сущности, только исполнительный орган без личной воли и инициативы; его действия вполне зависят от распоряжений центрального управления, которое находится при короле в его неизменной резиденции – Сеуле. Отсюда король при посредстве семи главных учреждений и содействии двух советов (верховного и государственного) управляет всеми провинциями, всем королевством единой нераздельной властью.

Верховный совет при короле состоит из десяти лиц: трех старейших заслуженных вельмож, называемых чон, и семи начальников (панчо) главных учреждений. Государственный совет (тажен) слагается из сорока пяти членов, а именно: трех чон, семи панчо, семи чампан (помощники панчо), семи чаме (советники панчо) и двадцати одного высшего мандарина, назначаемых самим королем. Мнение тажена поступает на утверждение верховного совета, который обыкновенно заседает под председательством короля, и, конечно, от короля зависит, утвердить заключение или нет. Решения верховного совета, одобренные королем, передаются в соответствующие учреждения и ими рассылаются по королевству.

Учреждения эти имеют большое сходство с европейскими министерствами и могут быть переведены на русский язык так: 1) министерство административных должностей и чиновпроизводства, 2) министерство придворного и общественного этикета, 3) министерство юстиции, 4) министерство общественных работ, 5) министерства военное, 6) министерство финансов и 7) министерство иностранных дел. Эти семь министерств обнимают все без исключения дела в королевстве.

Разберем каждое из них отдельно; это же нам даст возможность изложить в порядке и те сведения, которых раньше нельзя было подвести ни под одну из рубрик без нарушения последовательности рассказа.

1. *Министерство административных должностей и чиновпроизводства* заведует назначением и смещением мандаринов и производством государственных экзаменов.

В Корею всего шесть классов государственных должностей: места панчо и камза соответствуют первому классу; места чампан, чаме, пенза, те-тжиен и начальников полупровинций и островов – второму классу; секретари министерств, помощники начальников полупровинций и начальники каулов составляют чины третьего класса. Таким образом, в центральном управлении и в провинциальной администрации должности идут параллельно и в обоих кончаются шестым классом. В каждом ведомстве шести классам должностей соответствуют и шесть чинов.

Мы заметили, что места в служебной иерархии предоставляются только янбаням; но ни одному из них не дается места без чина, а чин можно получить только по экзамену: на каждый чин установлено испытание в знании китайского языка и китайской письменности. Выдержавший успешно экзамен на известный чин или прямо назначается на соответствующее место, или же зачисляется в кандидаты.

Мандарин назначается на должность на три года и находится под постоянным надзором шпионов короля; если в течение трех лет он не был замечен в злоупотреблении властью, то может держать экзамен на следующий чин для получения высшего места или оставаться на прежнем следующее трехлетие. Если он попался, то вовсе не допускается к экзамену или понижается по службе, или же исключается из оной с лишением некоторых прав янбана. Но вековая практика научила мандаринов грабить и народ и казну безнаказанно, незаметно. Да как же ему и не грабить? Янбань в силу укоренившихся взглядов непременно должен служить; а служба ему законным образом ничего не дает; в малых чинах он получает только провизию, а

когда дослужится до больших чинов, то перестает получать и это; нужно же существовать чем-нибудь ему и его многочисленной свите, которую он обязан содержать тоже в силу обычая! Вот он и прибегает к всевозможным средствам для изыскания средств существования.

Мандарины особенно ценят места в провинциях, так как там меньше контроля над ними и значительная часть податей легко достается на их долю.

2. *Министерство этикета.* Само название этого учреждения таково, что оно не могло мне обещать ничего существенного, и я, признаться, мало им интересовался во время моей бытности в Сеуле. Сколько можно судить по случайным расспросам, министерство этикета приравнивается к европейскому министерству двора, но, кроме двора, оно распространяется в Корею и на общество.

Не только придворная и общественная, но и частная, семейная жизнь в Корею подчинена строгим правилам или церемониям; ношение костюма, отношения между членами семьи, между посторонними, между сословиями, рассаживание за трапезой, прием гостей, обращение с мандаринами – все это и многое другое предусмотрено этикетом до мельчайших подробностей, и ни одному корейцу не позволено нарушать установленные правила.

Особенными правами пользуются мандарины. Всякий шаном¹⁹ должен падать ниц перед ними; есть, пить, курить, сидеть в их присутствии – это проступки, за которые можно заплатить пятьюдесятью палочными ударами по пяткам. Простонародье должно воздавать почести не только мандаринам, но и их свите.

Мандарины окружены свитой, численность которой обуславливается их чином и должностью; начиная от двух носильщиков и двух трубконосцев, численность свиты мандарина доходит до пятидесяти человек: сюда входят носильщики, трубачи, крикуны, трубконосцы, знаменосцы, секретари, переводчики и лица, которые ведут мандарина под руки, когда он благоволит идти пешком. Каждый шаг мандарина, каждый его поступок должен согласоваться с этикетом, иначе он может прослыть за невоспитанного и легко потерять место и звание мандарина.

Говорят, король – совершенный мученик этикета: он и встает по этикету, и ложится по этикету, и ходит по этикету – словом, везде и во всем этикет, церемония, стеснительная как для него самого, так и для его подданных.

Он безвыездно сидит во дворце, обведенном высокой стеной, но если по какому-нибудь чрезвычайному случаю покидает его, то его выезд приносит народу разорение. В этот торжественный для корейцев день в столице и в других местах, где предполагается появление короля, все торговые заведения, все магазины и лавки совершенно сносятся и возобновляются только тогда, когда станет известно, что король вернулся во дворец и опять заперся надолго. На двух улицах столицы я насчитал до шестисот лавок; если допустить, что снос и постройка каждой лавки на наши деньги стоят сто рублей, то двум этим улицам выезд короля обходится в 60 тыс. руб.

¹⁹ Шаном (ссаном) – презрительное название простонародья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.